

А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

Еще один тип ритуальных сооружений некрополя Усть-Изес-1. Вопросы реконструкции

В статье рассматриваются результаты исследования археологического комплекса, обнаруженного под самой крупной насыпью некрополя эпохи развитого Средневековья. Последний представлял собой обширный провал, оставшийся после ритуального сожжения постройки и занимавший весь центр подкурганного пространства. В провале были обнаружены железный нож, два перевернутых вверх дном сосуда, круглая бляшка с петелькой из белого металла, украшенная зернью, указывающая на северный и северо-западный векторы этнокультурных связей местного населения. Керамический комплекс представляет собой серию остродонных сосудов, форма и особенности декора которых позволяют отнести их к усть-изесскому этапу кыштовской культуры южной лесной полосы Обь-Иртышского междуречья. Данный тип памятников для севера лесостепи был выделен сравнительно недавно и после обнаружения в некоторых объектах обугленных остатков разноразмерных деревянных идолов, напоминавших хантыйские, была предложена связь таких комплексов с обрядом сожжения кукол иттерма – временных «хранилищ» души покойных. Совокупность полученных материалов позволила провести реконструкцию построенных для проведения такого ритуала объектов. В данном случае речь идет об использовании шатровой конструкции, которая, исходя из размеров и особенной внутренней конструкции, наличия и пространственного расположения ямок, реконструируется как переносное жилище, подобное чуму. Габаритные размеры внутренней площадки реконструируемого сооружения позволяют говорить, что в обряде было использовано реальное жилище, а не макет, как это было в других случаях. Обнаруженный в одной из ямок в центральной части бывшего строения трехлопастной наконечник стрелы с сердцевидными отверстиями в лопастях, позволяет трактовать его в соответствии с традиционной обрядовой практикой угорского и самодийского населения Западной Сибири как основу для изготовления сакрального изображения. В рассматриваемом случае мы имеем дело уже со вторым типом ритуального комплекса. Анализ археологических объектов данного типа может дать новые сведения о характере домостроительных традиций средневекового населения Обь-Иртышского междуречья.

Ключевые слова: некрополь, иттерма, сожженные строения, обряд, реконструкция, мобильное жилище, чум.

A.I. Soloviev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

One More Type of Ritual Constructions at the Ust'-Izes-1 Necropolis. Reconstruction Issues

The article discusses the results of the study of the archaeological complex uncovered from the largest mound of the Early Middle Ages necropolis, which is a thick layer of burnt soil, occupying the center of the under-mound space. An iron knife, two vessels turned upside down, a round plaque with a loop of white metal decorated with filigree grains and indicating the northern and north-western vectors of ethno-cultural ties of the local population were found in this place. The ceramic complex is a series of pointed vessels, their form and decorative features allow us to attribute them to the Ust-Izes stage of the Kyshtovskaya culture of the southern forest belt of the Ob-Irtysh basin. This site type was identified for the north of the forest-steppe relatively recently, and after the discovery of charred remains of various-sized wooden idols resembling Khanty figurines from some sites, the connection of such complexes with the rite of burning of itterma dolls – temporary “repositories” of the souls of the deceased – was suggested. The set of derived materials made it possible to reconstruct the structure of the ritual constructions. In this case, the remains of a probable tent structure is reconstructed as a portable dwelling similar to a chum based on the size and special internal structure, the presence and spatial arrangement of holes. The overall dimensions of the internal site of the reconstructed structure suggest that a real dwelling was used in the ceremony, rather than a model as it was in other cases. A three-bladed arrowhead with heart-

shaped holes in the blades, found in one of the pits in the medial part of the former structure, suggests that it was used as a basis for making a sacred image in accordance with the traditional ritual practice of the Ugrian and Samoyed population of Western Siberia. The analysis of archaeological objects of this type can provide new information about the nature of house-building traditions of the medieval population of the Ob-Irtysh south forest region.

Keywords: *necropolis, itterma, burnt constructions, rite, reconstruction, portable dwelling, chum.*

Сравнительно недавно по материалам Барабинской лесостепи был выделен своеобразный тип археологических памятников Обь-Иртышского предтаежья [Молодин, Соловьев, 2007а]. Внешне он представляет собой насыпи курганного типа, внутри которых обнаруживаются разные по площади и мощности температурного воздействия участки прокаленной земли, содержащие обугленные следы деревянных конструкций, бересты, мелких веточек, перевернутые вверх дном керамические сосуды, наконечники стрел, поясные бляшки, ножи, серьги и другой мелкий инвентарь, по большей части аналогичный тому, что встречается в захоронениях развитого Средневековья, размещенных в пределах тех же некрополей, что и упомянутые сооружения. В единичных случаях в число находок входят разрозненные фаунистические и даже антропологические материалы. В настоящее время ареал данных памятников расширился за счет типологически близких объектов в Присалаирье [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 167, 168] и в ленточных борах Среднего Приобья [Марченко и др., 2015]. Отметим, что проблематика, связанная с такими находками, уже нашла отражение в научной литературе [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990; Молодин, Глушков, 1992, 2011; Молодин, Соловьев, 2007а, б; Соловьев, 2020, 2021а], а материалы самого крупного на сегодняшний день некрополя Сопка-2, содержавшего остатки сожженных ритуальных построек, уже целиком изданы монографически [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021]. Вместе с тем по ряду позиций, связанных с особенностями архитектуры ритуальных построек, можно сделать, на наш взгляд, ряд дополнительных замечаний. В данном случае речь идет о комплексах некрополя Усть-Изес-1, которые в количественном отношении, уступая материалам памятника Сопка-2, в типологическом плане еще дают пищу для размышлений. Важно отметить, что данный памятник – Усть-Изес-1 – можно охарактеризовать как чистый, т.е. хронологически и культурно единый, в отличие от комплекса Сопка-2, представляющего собой обширное могильное поле, на котором вперемежку расположены захоронения широкого хронологического диапазона – от каменного века до развитого Средневековья [Молодин, 2009]. Возможно, поиски связей между разными типами сожженных ритуальных построек и статусом совершенных захоронений некрополя Усть-Изес-1, позволят верифицировать полученные данные и на материалах средневековой части памятника Сопка-2.

Напомним, что памятник Усть-Изес-1 представляет собой цепочку невысоких сглаженных насыпей

курганного типа, расположенную в полутора километрах к востоку от одноименного села на высоком обрывистом коренном берегу р. Тартас и вытянувшуюся вдоль ее русла в направлении С–Ю. Приблизительно в 60 м к югу от основной линейки насыпей располагалось самое крупное сооружение некрополя, которое в процессе работ было обозначено как сооружение 5. Оно достигало высоты 30 см от уровня современной дневной поверхности, имело округлую форму размерами 1 016 × 800 см и было ориентировано в створ остальным объектам – по той же линии С–Ю. Сравнительно недавно через насыпь проходила проселочная дорога и не исключено, что в прошлом насыпь имела более правильные, приближенные к круглым очертания и, соответственно, высоту. Размеры насыпи и ее периферийное расположение в пределах памятника, исходя из планиграфии ранее уже исследованных некрополей, как будто указывали на особый статус представителя местного, в данном случае средневекового предтаежного населения, коему она и принадлежала. Отметим попутно, что о такой закономерности в общих чертах можно говорить, начиная как минимум уже с раннего железного века, когда в обществе, в той или иной степени, складываются военно-потестарные структуры [Соловьев, 2021б]. В процессе раскопок выяснилось, что исследуемый объект оказался совсем не погребальным сооружением в прямом смысле этого слова, т.е. не связанным с захоронением тела усопшего, а ритуальным, сопряженным с заключительными действиями погребального цикла, отсроченными во времени и связанными, на наш взгляд, с обрядами высвобождения души, пребывавшей в особом специально изготовленном изваянии, обобщенно называемом иттерма, о чем уже говорилось в работах, посвященных данному кругу исследуемых объектов (см. подробнее: [Бауло, 2002, с. 63; Соколова, 2007, с. 67–71; Соловьев, 2021а]).

При разборке насыпи, в центральной ее части, проявилось обширное, округлое в плане, рыхлое пятно прокала яркого оранжевого цвета, мощность которого достигала 44 см. Под юго-восточной полкой насыпи под дерном на глубине 3 см от нулевой отметки был обнаружен фрагмент средневековой керамики кыштовской культуры, а в северо-восточном секторе небольшой железный нож (рис. 1, 1, 3). В массиве прокала встречены многочисленные белесые золистые включения, несколько кусочков обугленной бересты, мелкие угли; в центральной части небольшие фрагменты практически сгоревших жердей и досточек, а на северо-восточной периферии второй небольшой железный нож (С) (рис. 2, 1).

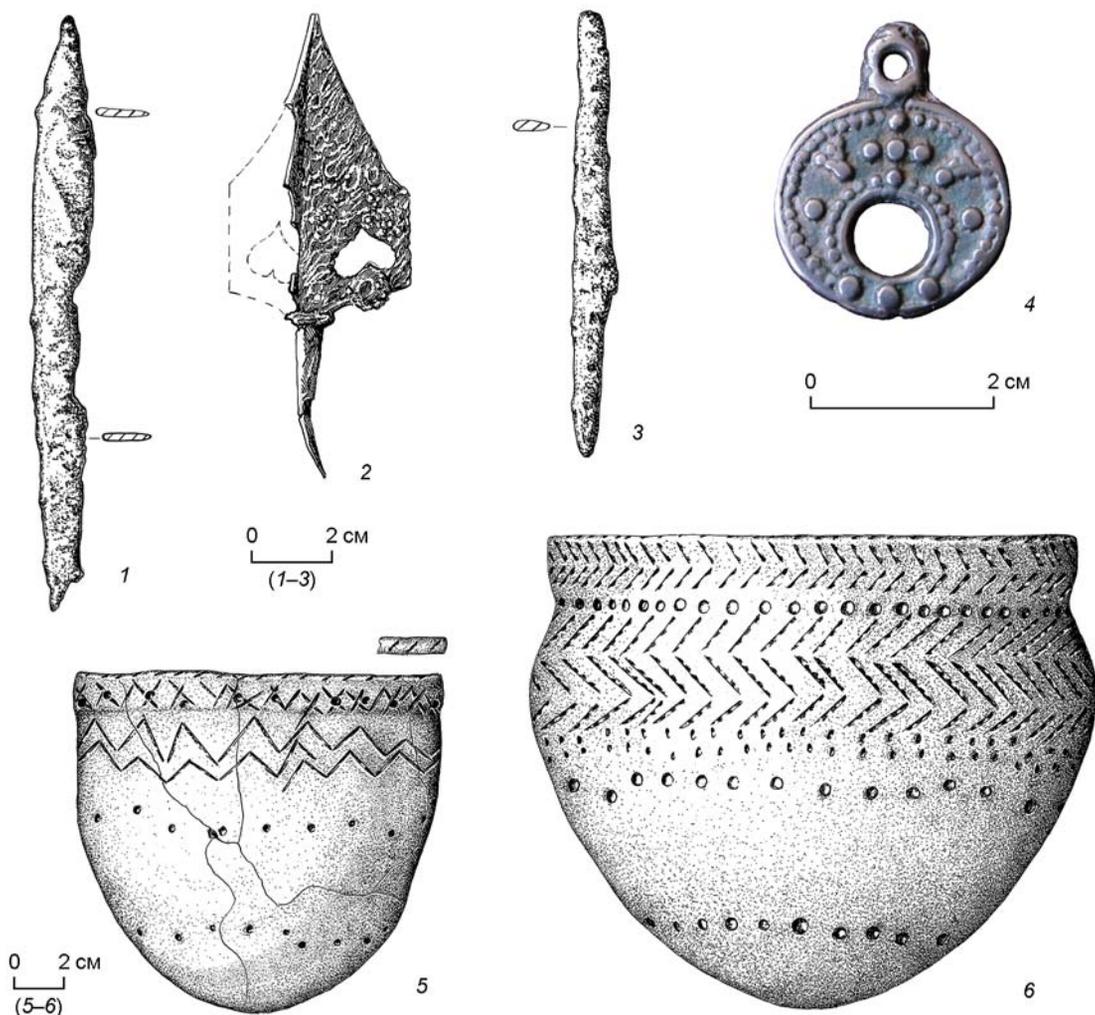

Рис. 1. Археологические материалы ритуального сооружения 5 некрополя Усть-Изес-1.

1, 3 – железные ножи; 2 – железный трехлопастной наконечник стрелы (по: [Соколова, 2007]); 4 – серебряная (?) лунница; 5, 6 – глиняные сосуды.

По мере изучения термически трансформированной почвы в ее основании проявились приотстренные днища двух перевернутых сосудов, устьева часть которых уходила в подстилающий слой черной суглинистой супеси – горизонт погребенной почвы, кровля которого условно маркировалась основанием прокала. Одна керамическая емкость (I) располагалась почти в геометрическом его центре (см. рис. 1, 5; 2, 1), вторая (II) – ближе к юго-восточной периферии (см. рис. 1, 6; 2, 1). Под зоной обожженной, перегоревшей почвы, на уровне материка было выявлено восемь небольших округлых вертикальных ямок, максимальной глубиной до 22 см; дно же основной их массы (6 шт.) не опускалось ниже 10 см от уровня материка. Одна из них (1), представляла собой два фактически слившихся друг с другом углубления. Другая (7) была незначительно перекрыта венчиком сосуда I с небольшим фрагментом деформированной бересты у днища. В третьей ямке (6) правильной круглой формы близ сосуда II, расположенного в центре

прокала, был обнаружен железный трехлопастной наконечник стрелы (D) (см. рис. 1, 2; 2, 1), стоявший пером вверх. Вблизи сосуда I, в СВ части прокала, среди угольков и остатков сгоревшей жерди в основании массива прокаленной почвы, была найдена луновидная подвеска из белого металла (E), украшенная зернью на лицевой поверхности (см. рис. 1, 4; 2, 1).

Керамический комплекс представлен остродонными изделиями. Одно из них (сосуд II) (см. рис. 1, 5; рис. 2, 7) имеет слегка выпуклый слабопрофилированный венчик, невыраженную шейку, прямые плечики. Венчик декорирован по верхнему обрезу косыми насечками. Наружные стенки его украшены короткими пересекающимися насечками, образующими линию косых крестообразных фигур. Поверх последних нанесен горизонтальный ряд ямок. Еще два таких ямочных пояска расположены в центральной части тулова сосуда и в придонной его части. Под венчиком в районе невыраженной шейки и отчасти верхней трети тулова изделия нанесены два ряда длинных

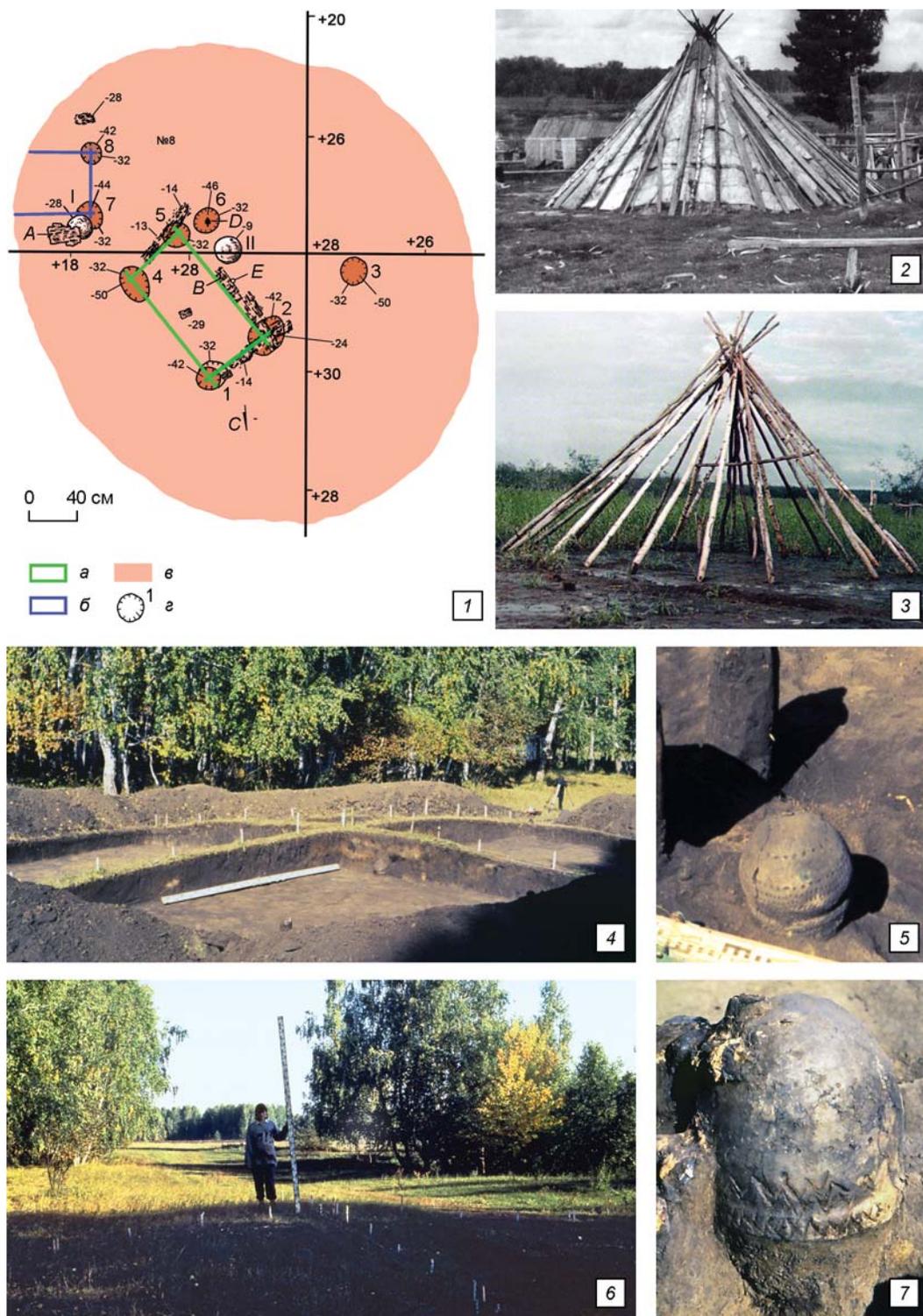

Рис. 2. Раскопки ритуального сооружения 5 некрополя Усть-Изес-1, вариант реконструкции внутреннего устройства и некоторые этнографические параллели.

1 – вероятное расположение каркаса нар (*a*) и столика (*б*) в планиграфии внутреннего пространства ритуального сооружения: *в* – пятно прокала, *г* – ямки, I, II – перевернутые сосуды, *A* – обгорелая береста, *B* – обугленная древесина, *C* – нож, *D* – наконечник стрелы, *E* – лунница; 2 – хантыйский чум, Ларьякский р-н ХМАО, пос. Большой Ларьяк (по: [Соколова, 2007]); 3 – остов чума, Шурышкарский р-н ЯНАО (по: [Соколова, 2007]); 4 – разрез насыпи объекта 5, фото с ЮВ; 5, 7 – перевернутые горшки I (5) и II (7) ритуального комплекса; 6 – внешний вид объекта до начала работ, фото с ЮВ.

взаимонаправленных насечек, образующих, соответственно, две зигзагообразных линии. Другой сосуд (I), сравнительно с первым, неплохо профилирован, имеет выпуклый венчик, также украшен по верхнему краю серией косых насечек и имеет три ряда ямочных вдавлений: в районе шейки, чуть ниже середины тулова и в придонной части. Венчик украшен отгисками гребчатого штампа, образующими горизонтальный елочный орнамент. Шейка и верхняя треть тулова покрыта отпечатками аналогичного штампа, формирующими такую же декоративную композицию, подчеркнутую у основания двумя рядами небольших вытянутых овальных вдавлений, отделенных небольшим свободным от декора пространством от «срединного» пояса ямок (см. рис. 1, 6; рис. 2, 5). Изделия относятся к кругу керамических изделий усть-изесского этапа (XIII–XIV вв.) кыштовской культуры и аналогичны материалам комплекса памятников Сопка-2, с которыми и образуют культурно однородную серию.

Данная керамика имеет достаточно ограниченный круг аналогий, укладываемых исключительно в пределы границ распространения кыштовской культуры. При этом такие признаки, как круглодонность, профилирование венчика, наличие «воротничка», средние пропорции и особенности орнамента (декорирование верхней зоны сосуда, ряды ямочных наколов по всему тулову, начиная от шейки; выделение верхней зоны сосуда) имеют место на всем протяжении существования культуры, начиная от момента ее фиксации (могильник Туруновка-2 [Соболев, 1978], Садовка-2 XI–XII вв.) до Нового времени (могильник Кыштовка-2 XVII–XVIII вв.) [Молодин, 1979], когда такая керамика сосуществует даже с гончарной посудой, изготавливаемой пришлым из Европейской России населением [Молодин, Соловьев, 2019].

Железные ножи представлены двумя типами: со сходящимися к острию лезвием и спинкой, образующими симметричный клинок (см. рис. 1, 1), и предметом с прямой спинкой, прямым черешком, отделенным от режущей части небольшим уступом и восходящей к спинке линией рабочей кромки (см. рис. 1, 3). Оба изделия повреждены. Одно в области черешка, у другого обломан кончик острия. Такие изделия распространены в Западной Сибири на протяжении всего Средневековья и не имеют культурной привязки. Встречаются они и в Новое время, и в наши дни.

Железный трехлопастной пятиугольный наконечник с перевернутыми сердцевидными прорезями на плоскостях (см. рис. 1, 2) не типичен для Западной Сибири и характерен больше для материалов южного сибирского тюркоязычного скотоводческого населения конца I – начала II тыс. н.э., в частности, енисейских кыргызов [Худяков, 1980, табл. XX, XXII, XXIV]. Приземистые формы, такие как усть-изесская находка, более характерны для предмонгольского – раннемонгольского времени. Можно предполагать, что изделие попало в предтаежное Обь-Иртышье в

результате подвижек населения, вызванного походами монгольских войск, либо контактов с кыргызским населением, следы которых прослеживаются в районах Нарымского Приобья [Беликова, 1996, с. 146, 149, 150].

Луновидное изделие из цветного металла (серебро?) представляет собой некое стилизованное под лунницу изделие (см. рис. 1, 4), которое можно даже обозначить как псевдолунницу, когда в результате ряда неизбежных трансформаций, вероятно, связанных с последовательным дублированием исходного образца, оконечности исходного изделия (лунницы) соединились друг с другом, образовав нечто вроде круглого медальона с отверстием посередине. Свидетельством одного из таких дублирований может служить находка близкого изделия в культурном комплексе XX памятника Сопка-2, которое представляет собой заметно более грубую отливку аналогичного предмета [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021, рис. 128]. Подвеска снабжена плоской дужкой с крепежным отверстием. С лицевой стороны она украшена серией миниатюрных бугорков, которые можно трактовать как ложную зернь. Обе находки (Усть-Изес-1, Сопка-2) демонстрируют большую степень сходства, хотя и выполнены по различным матрицам и дают непосредственное указание на северный и северо-западный векторы этнокультурных связей носителей кыштовской культуры [Там же, с. 103].

Материалы ритуального комплекса 5 вместе с данными проведенных ранее экспериментальных работ позволяют, опираясь на полученный опыт, предложить вариант реконструкции сожженного сооружения. Мы уже касались этих вопросов на примере другой обрядовой постройки 1, представляющей, как стало ясно, иной архитектурный тип [Соловьев, 2020]. Повторим, эмпирические работы проводились на прибрежном участке в зоне распространения аналогичных почв с использованием местных древесных пород. Они дали возможность говорить об определенных закономерностях между формой прокала, оставившей его огненной среды и условиями горения опытной постройки: на открытом воздухе, в условиях ограниченного доступа кислорода (засыпка грунтом), характеристиками сжигаемого растительного материала (бревнышки, жерди, береста, хворост и т.д.).

Возвращаясь к конкретному материалу, отметим два обстоятельства. Первое – приближающаяся к кругу форма площадки, на которой происходило сожжение подкурганной конструкции. Второе – скудость обугленных остатков растительных формаций, послуживших материалом для устройства сгоревшего сооружения, что особенно бросается в глаза при сравнении с данными ранее реконструированного ритуального комплекса 1 [Соловьев, 2020, рис. 1], а особенно с данными памятника Сопка-2. Правда, здесь можно констатировать наличие объектов вообще без обугленной древесины, но и без прокалов

и каких-либо особых находок под насыпями. Но это уже совсем другой тип ритуальных памятников, которого в данном случае мы не будем касаться.

Первые выводы, которые напрашиваются, говорят, что мы имеем дело с остатками какой-то круглой в плане, скорее всего, купольной постройки, возведенной на дневной поверхности без котлована или деревянной основы. Этим критериям более всего соответствуют легкие летние переносные жилые сооружения типа чума, хорошо знакомые коренным народам Сибири. В частности, они известны у самодийского и угорского населения Приобья (напр., вазовские, сынские, куноватовские ханты) (рис. 2, 2, 3). Согласно сведениями З.П. Соколовой, такое жилище имело круглую или овальную форму. Количество жердей, образующих конический каркас, варьирует от 15 до 60. Размер основания также может изменяться от 3 до 5 м. Нижняя часть жилища могла обкладываться землей и мхом. У задней стены чума устанавливается специальный вертикальный шест *симса*, который вместе с двумя горизонтальными жердями служил для крепления очажного крюка. Покрывали постройку тисками, невываренной несшитой берестой нестандартной формы, войлоком, кедровой корой. Если кровля плохо держалась, поверх наваливали много жердей [Соколова, 2007, с. 40, 41]. «Очень часто ... около задней стены сооружался стол на двух столбах с развилками высотой от 5 см до 1 м. На столбы накладывали две планки-перекладыны, укрепленные другими концами в жердях перекрытия, а сверху доски. Справа или слева от входа настилались нары» [Там же, с. 41].

Если обратить внимание на локализацию ямок исследованного комплекса с точки зрения планиграфии, можно заметить ее общее соответствие приведенному описанию.

Будучи расположена достаточно компактно в пределах покаленного участка насыпи, основная масса ямок идет как будто двумя параллельными линиями в общем направлении ЮВ–СЗ. Четыре ямки (1, 2, 4, 5, в т.ч. одна сдвоенная – 1) образуют подчетыреугольную фигуру (рис. 2, 1), возле которой находится перевернутый сосуд II и еще одна ямка (6), с трехлопастным наконечником стрелы и псевдолунницей близ оной. Очевидно, эти углубления могут быть связаны с устройством нар. Две ямки (7 и 8) у ЮВ границы обожженной площадки могут быть соотносены с конструкцией вышеупомянутого стола (рис. 2, 1, б). Отметим, что около одной из этих ямок (7), частично перекрывая ее край, стоял сосуд I. Последняя из серии ямок (5) в ЮЗ секторе, отстоящая на 40 см от крайней ямки от опоры условных нар, очевидно, могла отражать хозяйственные аспекты жилищного интерьера.

Обратим внимание, что диаметр термически измененной площадки, составляющий 3 м, соответствует размерам внутреннего жилого пространства чума, указанным З.П. Соколовой. Таким образом, учитывая всю совокупность данных, мы вправе предполагать,

что для ритуала проводов души, с которым, повторим, мы считаем, связаны сожженные погребенные комплексы некрополя Усть-Изес-1, была использована реальная мобильная жилая постройка. Отметим, что среди захоронений некрополя фиксировалось использование берестяных тисок – скорее всего, фрагментов покрывок чума, для шитья погребальных чехлов, в которые помещались тела усопших и которые в данном случае можно рассматривать как алломорфы жилищ (подробнее см.: [Соловьев, 2020, с. 614, 615]). Вероятно, стенки строения были укреплены дополнительными жердями и присыпаны грунтом, что способствовало образованию прокала. Остатки таких жердей можно усмотреть среди редких горелых остатков.

Важным моментом для ритуальной характеристики исследованного комплекса является находка в ямке у нар трехлопастного наконечника с прорезными плоскостями пера. Стрелы у самых различных народов Северной Азии, помимо сугубо утилитарного, издревле имели еще и особое сакральное значение. Они нередко использовались в различных культовых церемониях и шаманской практике. Надо полагать, что такие лук и стрелы, подобно самому бубну и всей его иной шаманской атрибутике, подвергались церемонии оживления и становились «одушевленными». И действительно, предания о «живых» всевидящих стрелах, наделенных разумом, способностями видеть, мыслить, самостоятельно действовать, разговаривать, поражать врагов и выполнять разнообразные поручения богатыря-владельца можно встретить в героических сказаниях тюркоязычного населения Саяно-Алтая [Кызласов, 1979, с. 107–108; Бутанаев, 1981, с. 194].

По справедливому, на наш взгляд, мнению Ю.А. Плотникова, такими «глазами», что делали стрелы всевидящими, были отверстия, которые просекались в плоскостях наконечников и придавали им антропоморфный облик [2001]. В таежной среде, представители которой на свой лад часто переиначивали идеи южного кочевого мира, представления о живых стрелах нашли свое место. Обмотанные слоями ткани – прикладами, – они могли быть у местного угорского и самодийского населения почитаемыми кумирами и служить основой для создания объемных образов усопших, воспринимаемых уже как духи-покровители. Можно полагать, что духи таких металлических снарядов реинкарнировались и приобретали антропоморфный облик, и подобные куклы из стрелы и одежды усопшего, в которой пребывала его какая-то нематериальная часть [Соловьев, 2006, с. 182, 183], вполне могли служить иттерма.

И наконец периферийное расположение ритуального комплекса 5, его масштабы, использование реальной постройки и далеко не самых доступных предметов для оформления временного хранилища духа усопшего хозяина позволяют считать данный комплекс статусным, принадлежащим социально

уважаемому члену коллектива, которому могло принадлежать захоронение 1 кург. 3 – самое значимое и богатое инвентарем погребение некрополя [Там же, рис. 1–5]. И оба этих объекта могут быть соотнесены в рамках единой, но разнесенной во времени, заупокойной обрядовой церемонии.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи». Автор выражает признательность С.А. Комиссарову за помощь в работе с литературой на китайском языке.

Список литературы

Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – 272 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. – Кемерово: ИНТ, 2010. – 276 с.

Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем Средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 188–197.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 208 с.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалева археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 297–302.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 180 с.

Молодин В.И. Сопка-2 // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: ИД Историческое наследие Сибири, 2009. – Т. 3: С–Я. – С. 139–140.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалам Сопки-2) // Экспериментальная археология: Изв. лабор. эксперим. археологии Тобол. пединститута. – Тобольск: Изд-во Тобол. гос. пед. ин-та, 1992. – Вып. 2. – С. 69–76.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Экспериментальное исследование культовых сооружений XIII–XIV вв. (по материалам Сопки-2) // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. избр. ст. – Сургут: РИО Сургут. гос. пед. ун-та, 2011. – Ч. 2. – С. 145–151.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 6: Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. – 143 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 174 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Новый тип археологических памятников лесостепного Обь-Иртышского междуречья // Средневековая археология евразийских степей: мат-лы Учредит. съезда Междунар. конгресса. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007а. – Т. 1. – С. 148–152.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 3. – С. 44–52.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Кыштовская культура // История Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 2: Железный век и Средневековье. – С. 381–384.

Плотников Ю.А. О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху Средневековья. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2001. – С. 81–86.

Соболев В.И. Курганы XIII–XIV вв. у с. Туруновка // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 91–96.

Соколова З.П. Народы Западной Сибири. Этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.

Соловьев А.И. Некоторые аспекты использования бересты в погребальной практике населения предтаежного Обь-Иртышья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2006. – Т. 5, вып. 3. – С. 177–187.

Соловьев А.И. Культурные места Усть-Изеса. Вопросы реконструкции. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – С. 611–619.

Соловьев А.И. О южном импульсе формирования сожженных подкурганных объектов кыштовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021а. – Т. XXVII. – С. 650–655.

Соловьев А.И. Долины «спящих царей» // В познании дописьменного периода истории. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021б. – С. 104–121.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, Наука, 1980. – 175 с.

References

Baulo A.V. Kul'tovaja atributika berezovskih hantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 92 p. (In Russ.).

Belikova O.B. Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1996. 272 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Vasjutin A.S., Onishhenko S.S. Vaganovskij kurgannyj nekropol' IX v. n.e. v Prisolair'e. Kemerovo: INT, 2010. 276 p. (In Russ.).

Butanaev V.Y. Vooruzhenie i voennoe delo hakasov v pozdnem srednevekov'e (po materialam fol'klora). In *Voennoe delo plemen Sibiri i Central'noj Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 188–197. (In Russ.).

- Hudyakov Y.S.** Vooruzhenie enisejskih kyrgyzov. Novosibirsk: Nauka, 1980. 175 p. (In Russ.).
- Kyzlasov L.R.** Drevnjaja Tuva. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1979. 208 p. (In Russ.).
- Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Kishkurno M.S., Galyamina G.I., Nazarova L.V.** New data for the sites of Krokhalievo archaeological area (Novosibirsk Ob region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. 21. P. 297–302. (In Russ.).
- Molodin V.I.** Kyshtovskij mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1979. 180 p. (In Russ.).
- Molodin V.I., Solovev A.I.** Kyshtovskaja kul'tura. In *Istorija Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 2: Zheleznyj vek i srednevekov'e. P. 381–384. (In Russ.).
- Molodin V.I.** Sopka-2. In *Istoricheskaya enciklopedija Sibiri*. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. Vol. 3: S–Ya. P. 139–140. (In Russ.).
- Molodin V.I., Efremova N.S., Solovev A.I.** Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. T. 6: Ritual'nye komplekсы epohi srednevekov'ya. 143 p. (In Russ.).
- Molodin V.I., Glushkov I.G.** Eksperimental'noe issledovanie kul'tovyh sooruzhenij XIII–XIV vv. (po materialam Sopki-2). In *Eksperimental'naya arheologiya: Izv. labor. jeksperim. arheologii Tobol. pedinstituta*. Tobolsk: Tobolsk State Univ. Press, 1992. Iss. 2. P. 69–76. (In Russ.).
- Molodin V.I., Glushkov I.G.** Eksperimental'noe issledovanie kul'tovyh sooruzhenij XIII–XIV vv. (po materialam Sopki-2). In *Igor' Gennad'evich Glushkov: sbornik izbrannyh statej*. Surgut: RIO Surgut State Pedagog Univ. Press, 2011. Pt. 2. P. 145–151. (In Russ.).
- Molodin V.I., Sobolev V.I., Solovev A.I.** Baraba v jepohu pozdnego srednevekov'ja. Novosibirsk: Nauka, 1990. 174 p. (In Russ.).
- Molodin V.I., Solovev A.I.** Novyj tip arheologicheskikh pamjatnikov lesostepnogo Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ja. In *Srednevekovaja arheologija evrazijskih stepej: Materialy Uchredit. Sjezda Mezhdunar. Kongressa*. Kazan': Institut istorii AS RT, 2007a. Vol. 1. P. 148–152. (In Russ.).
- Molodin V.I., Solovev A.I.** Typology of medieval ritual complexes of Ob'-Irtysch basin and some aspects of their semantic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2007b. No. 3. P. 44–52.
- Plotnikov Y.A.** O naznachenii otverstij v lopastjah strel. In *Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v jepohu srednevekov'ja*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2001. P. 81–86. (In Russ.).
- Sobolev V.I.** Kurgany XIII–XIV vv. u s. Turunovka. In *Etnokul'turnye javlenija v Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1978. P. 91–96. (In Russ.).
- Sokolova Z.P.** Narody Zapadnoj Sibiri. Etnograficheskij al'bom. Moscow: Nauka, 2007. 342 p. (In Russ.).
- Solovev A.I.** Nekotorye aspekty ispol'zovanija beresty v pogrebal'noj praktike naselenija predtaezhnogo Ob'-Irtysch'ja. *Vestnik Novosibirsk State Univ. Series: History and Philology*, 2006. Vol. 5. Iss. 3. P. 177–187. (In Russ.).
- Solovev A.I.** Ritual Places of Ust-Izes: Reconstruction Issues. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 611–619. (In Russ.).
- Solovev A.I.** On the Southern Impact on the Burnt Structures under the Burial Mounds of the Kyshtovka Culture. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021a. Vol. 27. P. 650–655. (In Russ.).
- Solovev A.I.** Doliny «spyashhiih tsarej». In *V poznanii dopis'mennogo perioda istorii*. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2021b. P. 104–121. (In Russ.).

Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Дата сдачи рукописи: 02.09.2024 г.